

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Типы и функции повторов в сборнике М.И. Цветаевой
«Ремесло»**

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 2 курса 251 группы
направления 45.03.01 – Филология
Института филологии и журналистики

Нестеренко Галины Петровны

Научный руководитель
профессор, д.ф.н., доцент
должность, уч. степень, уч. звание

И. Ю. Иванюшина
инициалы, фамилия

Зав. кафедрой
к.ф.н., доцент
должность, уч. степень, уч. звание

Ю. Н. Борисов
инициалы, фамилия

Саратов 2020

ВВЕДЕНИЕ

Поэтический текст пронизан разного рода повторами, образующими его ритмический и смысловой рисунок.

В поэтических текстах М.И. Цветаевой обнаруживается всё многообразие повторов. Наиболее последовательно и виртуозно приёмы разноуровневых повторов используются поэтессой в зрелом творчестве.

Расцветом поэзии М.И. Цветаевой принято считать её зрелую лирику, стихотворения и поэмы, написанные в эмиграции, что можно ощутить уже в первом изданном за границей сборнике «Ремесло» (1923), который будет **объектом** нашего исследования.

Сборник «Ремесло» М.И. Цветаевой является переходным этапом в творчестве поэтессы. Его отличает виртуозность поэтического мастерства, которая выражается, в частности, в обилии повторов, выполняющих различные функции.

Отдельные аспекты повторов в лирике М.И. Цветаевой уже привлекали внимание исследователей Л.В. Зубовой¹, А.М. Надежкина², Е.В. Урядниковой³, А.Н. Слугиной⁴, С.И. Львовой⁵, Е.Л. Кудрявцевой⁶, Ю.Е. Бочкарёвой⁷, Г.П. Петрова и Р.Х. Гиригуловой⁸. Однако эта проблема не получила комплексной разработки.

¹ Зубова, Л.В. Поэзия М. Цветаевой: лингвистический аспект / Л.В. Зубова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 262 с.

² Надежкин, А.М. Корневой повтор в художественной речи М.И. Цветаевой: Дисс... канд. филол. наук / А.М. Надежкин. Нижний Новгород, 2015. 208 с.

³ Урядникова, Е.В. Морфемный повтор в системе образных средств языка (на материале поэзии М.И. Цветаевой) / Е.В. Урядникова // Преподаватель XXI века. 2015. № 2. С. 364-370.

⁴ Слугина, А.Н. Художественная функция фонетических повторов в стихотворении М. Цветаевой «Вчера ещё в глаза глядел» / А.Н. Слугина // Язык и репрезентация культурных кодов. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2014. С.62-64.

⁵ Львова, С.И. Своеобразие повторов в поэзии М. Цветаевой / С.И. Львова // Русская речь. 1986. № 4. С. 63-71.

⁶ Кудрявцева, Е.Л. О функциях фонетических повторов в поэтическом тексте Марины Цветаевой / Е.Л. Кудрявцева // Фонетика в системе языка. М. : Уникум-центр Москва, 1996. С. 141-142.

⁷ Бочкарева, Ю.Е. Вариативные лексические повторы как средство регулятивности в лирике М.И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Е. Бочкарева. Томск, 2007. 24 с.

Актуальность работы обусловлена тем, что сборник М.И. Цветаевой «Ремесло» недостаточно хорошо изучен. Особенно это касается его поэтики: никто из исследователей специально не занимался выявлением художественных функций повторов на разных уровнях языка, обнажающих глубинные смыслы слова и усиливающих эстетическое воздействие текста.

Теоретической основой работы послужили исследования явления повтора как универсального средства создания поэтического текста Р.О. Якобсона⁹, В.П. Григорьева¹⁰, В.П. Москвина¹¹, З.П. Куликовой¹², Т.А. Глотовой¹³, С.Т. Атажаховой¹⁴, Н.Е. Цветковой¹⁵.

Ученые выделяют следующие разновидности этого явления: *фонетический, морфологический, лексико-семантический, синтаксический, ритмический, композиционный* повторы.

Основными типами повторов, играющими важную роль в творчестве М.И. Цветаевой, являются *фонетический, морфологический, лексический*.

Материалом исследования стал сборник М.И. Цветаевой «Ремесло», изданный в 1923 г. в Берлине.

Целью работы является исследование разновидностей и художественных функций повторов в сборнике М.И. Цветаевой «Ремесло».

⁸ Петров, Г.П., Гиригулова, Р.Х. Повтор как композиционно-речевой приём в поэтических текстах М. Цветаевой / Г.П. Петров, Р.Х. Гиригулова // Если душа родилась крылатой... Елабуга: ЕлТИК, 2015. С. 224-229.

⁹ Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.

¹⁰ Григорьев, В.П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии / В.П. Григорьев. М.: Наука, 1978. 344 с.

¹¹ Москвин, В. П. Типология повторов как стилистической фигуры / В. П. Москвин // Русский язык в школе. 2000. № 5. С.81-85.

¹² Куликова, З.П. Повтор как средство экспрессивности и гармонизации поэтических текстов М. Цветаевой и Р. М. Рильке: дис... канд. филол. наук / З.П. Куликова. Ростов-на-Дону, 2007. 191 с.

¹³ Глотова, Т.А. Повтор как универсальный принцип текстообразования в поэзии И. Хугаева / Т.А. Глотова // Известия СОИГСИ. 2017. №23(62). С. 102-108.

¹⁴ Атажахова, С.Т. Стилистические функции повторов в художественном тексте / С.Т. Атажахова // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2(75). С.341-343.

¹⁵ Цветкова, Н.Е. Лексический повтор в стихотворной речи / Н.Е. Цветкова // Русский язык в школе. 1986. №1. С. 63-68.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. выявить типы повторов в сборнике М.И. Цветаевой «Ремесло»;
2. определить художественные функции повтора в стихотворениях М.И. Цветаевой эмигрантского периода;
3. определить частотность данного приема в текстах М.И. Цветаевой.

Цели и задачи работы определили её **структуру**. Работа состоит из введения, одной главы, состоящей из трех параграфов, заключения и списка использованных источников, включающего 80 единиц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава I. «Повтор в художественной структуре стихотворений сборника М.И. Цветаевой “Ремесло”» посвящена выявлению преобладающих типов и функций разноуровневых повторов. На основании анализа стихотворений сборника сделан вывод о конструктивной роли исследуемого приёма в поздней лирике М.И. Цветаевой.

В первом параграфе «История создания и структура сборника М.И. Цветаевой “Ремесло”» дается представление о новом этапе в творчестве поэта, о публикации первых произведений за рубежом, о составе и адресатах сборника «Ремесло».

В 1922 году М.И. Цветаева прибыла в Берлин. Здесь она установила отношения с русскими эмигрантскими журналами и издательствами и отдала в печать новый сборник «Ремесло» (1923) и поэму «Царь-Девушка» (1922). Издать сборник ей помогал А.Г. Вишняк, основатель книгоиздательства «Геликон», который стал другом М.И. Цветаевой.

В сборник вошли более ста произведений, созданных в первые годы эмиграции (1921 – 1922). Стихотворения группируются в циклы: «Ученик», «Марина», «Разлука», «Георгий», «Благая весть», «Отрок», «Ханский полон», «Хвала Афродите», «Вифлеем», «Москве» (1921), «Дочь Ираира» и

«Сугробы» (1922). Особое место в книге занимает поэма «Переулочки». Её М.И. Цветаева написала в апреле 1922 г., в период расставания с Москвой, перед отъездом к мужу за границу. Эту поэму отличает богатство и разнообразие ритмов, широкое использование народного языка и славянских песен.

В сборнике отразились многие события и люди, чьи судьбы были небезразличны М.И. Цветаевой в годы эмиграции. И.Г. Эренбургу посвящен цикл из одиннадцати стихотворений «Сугробы» в благодарность за то, что он помог разыскать пропавшего мужа и встретиться с ним. Отдельное посвящение А.А. Подгаецкому-Чаброву, ставшему другом М.И. Цветаевой на долгие годы, имеет стихотворение «Не ревновать и не клясть...» и поэма «Переулочки». Сборник содержит стихотворение на смерть Т.Ф. Скрыбиной, вдовы композитора и близкого друга М.И. Цветаевой (цикл «Бессонница»), поэтический портрет М.А. Кузьмина (стихотворение «Два зарева – нет, зеркала...»), обращение к А.А. Ахматовой («Отрывок из стихов к Ахматовой», «Ахматовой») и В.В. Маяковскому («Маяковскому»), стихи о А. Блоке.

От предшествующих сборников М.И. Цветаевой «Ремесло» отличается повышенной философичностью, интересом к библейским и античным сюжетам, словесной игрой, фонетическими экспериментами.

Во втором параграфе «Типы повторов в сборнике М.И. Цветаевой “Ремесло”» дается классификация и характеристика разного рода повторов в текстах поэта.

В ходе анализа выявлено, что в лирических произведениях М.И. Цветаевой наиболее часто употребляются следующие типы повтора: *фонетический, морфологический и лексический*, которые редко выступают изолированно.

К фонетическим повторам относят *аллитерацию, ассонанс, рифму, паронимическую аттракцию.*

Поэзия М.И. Цветаевой насыщена *аллитерациями*, как правило, создающими особую дисгармонию и хаотичность, которые демонстрируют читателю нестабильный внутренний мир лирической героини, ее далекий от общепринятого взгляд на мир, поэтому в сборнике преобладают «неблагозвучные» согласные: «р», «т», «п», «в», «с», «к», которые были обнаружены каждый около 900 раз.

Аллитерация в стихотворениях М.И. Цветаевой чаще строится на повторе не одного, а целого комплекса звуков, составляющих фонетический каркас ключевого слова: «Завораживающая! **Крест** / **На крест** складывающая **руки!** / **Разочарование!** Не **крест** / Ты – а **страсть, как смерть и как разлука**»¹⁶. Повторяющийся в стихотворении М.И. Цветаевой комплекс звуков «к», «р», «с», «т», опорных в ключевом слове *крест*, объединяет в смысловом поле понятия: *крест, страсть, смерть, разлука*. Кроме того, эти звуки делают текст резким, отрывистым, скрежещущим, что соответствует накалу чувств лирической героини: страсть – это крест, который она несет.

Ассонанс – повторение одинаковых гласных ударных звуков или слабо редуцированных безударных гласных. Если согласные звуки больше связаны со смыслом, формируют его, то гласные придают этим смыслам оттенки, окрашивают текст эмоционально, придают ему неповторимую мелодичность: «Пустынные **очи** / Упорствуют в землю. / Уже не пророчу, – / **Зубов** не разъемлю. / О дряхлом удаве / Презренных сердец – / Лепечет, лепечет о славе юнец» (63). В стихотворении М.И. Цветаевой Сивилла представлена вросшей в камень, слившейся с ним воедино. В ее характеристиках в ударной позиции преобладает звук «о». Во всем образе Сивиллы ощущается тяжесть и величие. Иначе выглядит молодой герой. В его описании преобладает звук

¹⁶ Цветаева, М.И. Ремесло: Книга стихов / М. Цветаева. М., Берлин: Геликон, 1923. С.113. В дальнейшем все стихотворения М. Цветаевой цитируются по данному изданию с указанием страницы в тексте работы.

«е». В словах М.И. Цветаевой звучит и нежность, и ирония, и снисходительность по отношению к юнцу.

Рифма относится к числу наиболее распространенных, действенных и содержательных средств фонетического повтора. Историческая эволюция русской рифмы к началу XX в. привела к ее расшатыванию и «полевению». Грамматические рифмы стали восприниматься как банальные и нежелательные. Точные рифмы уступили место приблизительным, усеченным, рифмоидам. Но главное – усилилось семантическое наполнение рифмы, выявилась ее диалектическая природа.

Можно сказать, что рифмы М.И. Цветаевой располагаются в русле этой тенденции: «Полосни лазоревую *шалью*, / *Шалая* моя! Пошалевали / Досыта с тобой! – Спляши, *ошпарь*! / Золотце мое – прощай – янтарь!» (83). Здесь «рифма» как бы разлита по всему тексту: *шалью* / *пошалевали* в строгом смысле рифмой не является, во всяком случае, – конечной. Но корень –шал-, который можно интерпретировать, как желание лирической героини вспомнить свою шальную, веселую молодость, аукается еще в нескольких словах. Используется также поэтическая этимология, когда слову *шал* приписывается родство с *шалостью*. Отзвук этого слова лежит и на глаголе *ошпарь*. Кроме того, рифма связана с повтором звука «ш», что вызывает ассоциации с шорохом одежды.

«Солнце Вечера – *добрее* / Солнца в полдень. / Изуверствует – *не греет* / Солнце в полдень» (9). В данном фрагменте использованы две пары рифмующихся слов. Одна из них – тавтологическая рифма *полдень* / *полдень*. Такая рифма считается бедной. Но ее использование оправдано всем построением этого текста, пронизанного со- и противопоставлениями Солнца Вечера и Солнца в полдень. Этой же задаче служит рифма *добрее* / *не греет*, поскольку она заставляет в очередной раз противопоставить два Солнца, указывает на противоречивый и изменчивый характер светила.

Паронимическая аттракция в творчестве М.И. Цветаевой связана с рождением художественного образа. Сходные слова, которые сталкиваются

друг с другом, становятся тропами и фигурами: «Не курским *соловьём осоловелым*, / Что похотью своею пьян, / Свищу над реченькою румянистой...» (114). В сочетании *соловьём осоловелым* сближаются однокоренные паронимы, в одном из которых стёрлась его внутренняя форма. Этимологическая регенерация при этом не происходит (слишком далеко разошлись однокоренные слова), но созвучие рождает яркий и запоминающийся образ, подкрепленный аллитерацией на «с».

Паронимы несут важную семантическую нагрузку: «Чёрным вихрем летя беззвучным, / Не *подругою* быть – *сподручным!* / Не единою быть – вторым!» (20). В данном стихотворении в понятие *подруга* – девушка, связанная с кем-либо дружескими отношениями – добавляется новый оттенок смысла из рядом стоящего слова *сподручный*, т.е. удобный, находящийся всегда под рукой. Поэтессе не устраивает общепринятое понятие *подруга*, она стремится к другому уровню взаимодействия, хочет быть соратником возлюбленного, равным ему.

В стихотворениях сборника «Ремесло» встречаются как однокоренные, так и разнокоренные паронимы: «(О, этот стих не самовольно прерван! / Нож чересчур *остер!*) / И – вдохновенно улыбнувшись – первым / Взойти на твой *костер*» (7). Здесь использованы разнокоренные паронимы *остер* / *костер*, различающиеся одним звуком. При поэтическом сближении этих слов с помощью рифмы в их семантике обнаруживается нечто общее: «предмет, причиняющий сильную, острую боль».

Важной разновидностью повторов в поэзии М.И. Цветаевой является **морфологический повтор**, который включает в себя *корневой* и *аффиксальный*.

Корневой повтор – заключается в том, что к существительному или глаголу, расширившему свое значение, присоединяется в качестве определения слово той же основы, которая как бы возвращает определяемому истинный смысл: «Твой *вздох* животворящ / *Душой*, *дыханием* твоим живущей, / Как *дуновеньем* – плащ» (7). В этом примере

представлен целый ряд однокоренных слов с чередованием -дох-, душ-, -дых-, дун-, которые этимологически являются родственными и произошли от слов «дух» и «дохнуть». Текст построен на актуализации одного важного для поэта корня.

Корневой повтор может не только передавать усиление признака, но и способствовать *реэтимологизации*, т.е. оживлению внутренней формы слова: «Громче громов» (52), «Распутая пути...» (32), «К единственному одному» (38).

Корневой повтор в сборнике М.И. Цветаевой может быть средством стилизации: «Пенорожденная, пеной сгинь!» (77) – стилизация под античную поэзию; «Наметай, метель, опилки» (98) – стилизация под народную речь.

Аффиксальный повтор – заключается в повторении аффикса, т.е. деривационного значения слова, создаваемого словообразовательными аффиксами и уточняющего вещественное значение корня.

Для сборника М.И. Цветаевой «Ремесло» наиболее характерны существительные на -ость с абстрактным и философским значением, что соответствует общей направленности сборника. Но такие существительные могут выполнять и иную роль: «Георгия – робость, / Георгия – кротость...» (49-50). Поэтесса использует слова с суффиксом -ость, чтобы абстрактными существительными, обозначающими качества человека, охарактеризовать адресата своего стихотворения. В отличие от прилагательных, существительные обозначают устойчивые, неизменные качества. Они звучат более весомо и значительно.

Одним из частотных аффиксальных повторов у М.И. Цветаевой являются повторы суффиксов -ейш и -айш, обозначающих высшую степень проявления признака — превосходную степень. Их употребление было обнаружено нами в следующих текстах: «Око зрит – невидимейшую даль, / Сердце зрит – невидимейшую связь... / Ухо пьет – неслыханнейшую молвь» (121), «Из всех страстей – / Страстнейшая, из всех смертей – / Нежнейшая...

Из двух горстей / Моих – прельстись! – испей!» (25-26). Частые повторы суффиксов -ейш и -айш акцентируют внимание на одном из фундаментальных свойств М.И. Цветаевой – ее максимализме, безграничности ее требований к себе и миру.

Не менее активно использует М.И. Цветаева повторы приставок. Например, отрицательная приставка не- может служить средством создания образа героя: «– Чем заплачу за щедроты: / Темен, *негромок*, *непризнан*...» (23). Показательно, что герой стихотворения Лжедмитрий характеризуется здесь не наличием, а отсутствием качеств.

Обозначающая движение изнутри наружу приставка вы- также активно используется поэтессой в текстах: «А *войти*-то как? – *Выходом*. /А *речи*-то как? – *Выкрутом*. /А на што мне крестится? /Все Христы-то где ж? – *Вышедши*» (147-160). В словах «выходом, вышедши» приставка вы- обозначает направление, движение изнутри. В слове «выкрутом» это значение осложняется коннотациями интенсивности действия, полноты, исчерпанности, предела. Кроме того, эти слова передают народный слог речи, позволяют показать колорит эпохи.

Лексический повтор в лирике М.И. Цветаевой реализуется в формах *анафоры* (80 раз), *эпифоры* (50 раз), *симплоки* и *анадиплосиса* (по 10 раз), помогающих усилить выразительность поэтического текста.

Анафора при повторе слова или словосочетания в начале нескольких строк может задавать тему стихотворения, его центральный образ. Иногда этот образ становится «адресатом» лирического высказывания: «*Молодость* моя! Моя чужая / *Молодость*! Мой сапожок непарный! / Воспаленные глаза сужая, / Так листок срывают календарный» (81). Лексический повтор в форме обращения к молодости позволяет раскрыть диалектику этого понятия, ему каждый раз подыскиваются разные определения и оценки, часто противоречащие друг другу.

С помощью повторения слова в конце строк – *эпифоры* – автор чаще всего выделяет ключевые слова, расположенные в позиции конечной рифмы:

«Кротчайший *Георгий*, / Тишайший *Георгий*, / Горчайший – свеча моих бдений – *Георгий*, / Кротчайший – с глазами оленя – *Георгий*! <...> О лотос *мой*! / Лебедь *мой*!» (49-50). Две эпитеты, создающие каркас стихотворения – *Георгий* и *мой*. Они же образуют и смысл текста, который целиком представляет собой развернутое обращение к возлюбленному. Эпитеты заставляют переосмыслить имя Георгия. Это не просто Георгий, это *мой Георгий*. Он другой: *кротчайший, тишайший, горчайший*. Повтор слова «мой», усиливает призыв лирической героини и подчеркивает образ земного человека, дорогого для нее.

Симплогу часто можно обнаружить в народной поэзии, где она используется для того, чтобы показать связь между разными явлениями или рассмотреть одно явление с разных сторон. Так, например, М.И. Цветаева пытается взглянуть под разным углом на острое для нее понятие «переселенец»: «*Ведь и медведи мы! / Ведь и татары мы!*» (122-123). С помощью повтора «ведь и ...мы», лирическая героиня объединяет всех людей, оказавшихся в изгнании, разбросанных по всему миру.

На повторе последнего слова или словосочетания в начале или середине другой строки строится фигура *анадиплосиса*, которая чаще всего используется в народной речи и в религиозных текстах. Анадиплосис помогает передать непрерывность действия, создает особый ритмический рисунок: «*Рукою обветренной / Дала – и забыла. / Забыла – и россыпью / Гортанною, клеткотом...*» (82). Речь в стихотворении идет о Музе. В создании этого образа анадиплосис выполняет несколько функций. Во-первых, он ритмически отсылает к народной песне, очевидно, намекая на родство Музы с народной традицией. Во-вторых, он способствует созданию центрального образа: цветаяевская Муза так погружена в себя, что равнодушна ко всему окружающему, в том числе, и к героине. Анадиплосис рождает ощущение непрерывности и бессознательности действий Музы.

В третьем параграфе «Функции повторов» рассматриваются отдельные функции повторов, хотя в реальности они никогда не выступают в

обособленном виде, они переплетаются, взаимодействуют, создавая плотную ткань текста.

Исследователи выделяют следующие функции повторов: *текстообразующую, изобразительно-выразительную (экспрессивную), ритмо-рифмообразующую, смыслообразующую, гармонизирующую.*

Прежде всего повторы выполняют *текстообразующую* функцию: «*Здесь* нет свиданьица! / *Здесь* только провода, / *Здесь* слишком спутаны / Концы ремней...» (126-127). Повтор слова «здесь» используется М.И. Цветаевой на протяжении всего текста. «Здесь», в понимании героини, – особое место, которое разлучает людей, делая их несчастными. Повтор односложного слова с резкой звуковой окраской, аллитерацией звуков «з» и «д» создает драматичный эмоциональный тон текста.

Анафорический повтор скрепляет текстовое единство и в следующем примере: «*Вон за ту вон за даль, / Вон за ту вон за синь, / Вон за ту вон за сквозь*» (141-142).

Иногда повтор становится конструктивным фактором стихотворения, каркасом, на котором держится смысл: «По холмам – круглым и смуглым, / Под лучом – сильным и пыльным, / Сапожком – робким и кротким – / За плащом – рдяным и рваным» (14). Весь текст построен на приёме синтаксического параллелизма. В нем нет подлежащих и сказуемых, только дополнения и обстоятельства – в левой части и определения – в правой. Кроме повтора синтаксических конструкций, в тексте множество других разноуровневых повторов.

Ритмо-рифмообразующая функция повторов наиболее очевидна. Повтор одних и тех же лексических единиц всегда задает определенный ритм поэтического текста. Расположение этих единиц в текстах М.И. Цветаевой разнообразно, как и созданный ими ритм: «*А и простор у нас татарским стрелам! / А и трава у нас густа – бурьян!*» (114). Повторяющееся в стихотворении М.И. Цветаевой просторечное выражение «а и ...у нас...»

отсылает читателя к определенной фольклорной традиции, придает тексту распевность, замедляет его ритм.

Ритмообразующая функция повторов часто тесно связана со стилистической. Особенно это касается стилизации под народную речь, под один из фольклорных жанров: «*Вон то́ дерево! / Вон то́ зарево! / Вон то́ курево! / Вон то́ марево!*» (141-142), «*Масляница широка! / Масляницу за бока!*» (133-136).

Рифмообразующая функция повторов самая очевидная. Рифма и есть повтор звуков. В работе на примерах тавтологической рифмы показаны возможности полного формально-содержательного повтора.

Изобразительно-выразительная функция повтора часто реализуется через фонетический уровень стихотворения. Так, например, в стихотворении, посвященном И. Эренбургу, образ главного героя создается путем семантизации звуков его фамилии: «*Эр!* – необорная крепость! / *Эр!* – через чрево – вперед! / *Эр!* – в уплотненную слепость / Недр – осиянный пролет!» (125). Повтор первых звуков фамилии *Эренбург* задает весь фонетический строй стихотворения. Звук «р» в других словах усиливает резкое звучание текста. В результате возникает образ человека решительного и твердого.

Не столько изобразительная, сколько выразительная функция повторов используется М.И. Цветаевой в следующем стихотворении: «Слезы – на лице моей облезлой! / Глыбой – чересплечные ремни! / *Громче* паровозного железа, / *Громче* левогрудой стукотни – / Дребезг подымается над щебнем, / Скрежетом по рощам, по лесам» (115). Поэт не изображает Родину, а выражает свои чувства, вызванные ее трагической историей и современностью. Тональность задает лексический повтор: «громче». Вся фонетическая ткань отрывка пронизана аллитерацией скрежещущих звуков «г», «р», «ж», «з», «ч», «щ».

Смыслообразующая функция повторов проявляется в акцентировании внимания на ключевых словах, в переосмыслении этих слов при повторе в разных контекстах: «*Три царя, / Три ларя / С ценными дарами*» (88). Повтор

числительных акцентирует внимание на связанных с ними разнокоренных паронимах *царя/ларя*. Контекст подсказывает слово «дары». Здесь поэтесса обращается к библейскому сюжету о волхвах, пришедших с Востока и принесших дары младенцу Иисусу, чтобы поклониться ему.

В стихотворении из цикла «Разлука», посвященного С.Я. Эфрону, главную смыслообразующую функцию выполняет повтор притяжательных местоимений «моя», «мой». Они определяют то, что лирическая героиня считает для себя самым важным: *моя крепость, кротость, доблесть, святость*; *мой дом, сон, смех, свет* – всё то, что дарило ей покой и гармонию.

Упорядоченное повторение звуков, ритмического рисунка, рифм, слов, образов и т.д. образует гармоническое целое стихотворения. Именно в этом заключается функция **гармонизации** стиха: «Сопровождай, / Столб верстовой! / – Где ж, быстрота, / Крест-твой-цепок? / – Крест-мой-цепок / Хан под сапог» (68-69). В данном стихотворении аллитерация звуков «р» и «т» придают фонетическое единство тексту. Эти звуки передают резкость, отрывистость звучания, характеризуя прямооту, дерзость в речи лирической героини. Функция повторов заключается в гармонизации формы и содержания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение повторов в сборнике М.И. Цветаевой «Ремесло» показало, что в позднем творчестве поэтессы данное явление становится важным признаком её идиостиля. Анализ стихотворений сборника свидетельствует о том, что в поэтических текстах повтор встречается повсеместно.

В ходе анализа выявлено, что в лирических произведениях М.И. Цветаевой наиболее часто используются фонетический, морфологический и лексический повторы, которые переплетаются между собой в одном поэтическом тексте.

Основными разновидностями фонетического повтора в творчестве М.И. Цветаевой являются аллитерация, ассонанс, рифма, паронимическая

аттракция. Наиболее показательна аллитерация с опорой на резкие звуки, особенно «р», создающая образ цветаевской лирической героини, которой свойственна страстность, порывистость. Ассонансы менее выражены у М.И. Цветаевой. Как правило, они возникают в стихотворениях, обращенных к молодому герою или к Богу. Очевидно, что согласные звуки воспринимаются поэтом как более земные, телесные, а гласные – как духовные.

Звуковой повтор используется в стихотворении для создания внутренней и концевой рифмы, заставляющей сопоставить рифмующиеся слова, выявив в них неожиданные смысловые соответствия.

Паронимическая аттракция – один из излюбленных приемов М.И. Цветаевой. В созвучии близких по фонетическому облику слов она обнаруживает иногда скрытое, а иногда и отсутствующее в обыденном языковом сознании родство.

Среди разновидностей морфемного повтора в сборнике М.И. Цветаевой «Ремесло» наиболее частотным является корневой. Игра с корнем слова, этимологическая регенерация, восстанавливающая внутреннюю форму слова, – отличительные черты зрелой лирики М.И. Цветаевой.

В стихотворениях сборника мы обнаружили повтор корней -выш-/ -выс-: выше – высокий – высот – 34 раза; -дух-: дышат – дух – дунет – вздох, – 31 раз; -клон-: склонивши – наклонимся – уклонному – 27 раз. Эти корневые повторы М.И. Цветаева употребляет в своих стихотворениях в связи с основной проблематикой сборника – философской, религиозной, исторической, духовной.

Лексический повтор в сборнике М.И. Цветаевой встречается в виде анафоры – 80 раз, эпифоры – 50 раз, симплоки и анадиплосиса – по 10 раз. Лексический повтор является важным средством выразительности в творчестве М.И. Цветаевой, выделяя необходимые слова, подчеркивая важность главного, центрального, образа в поэтическом тексте. Лексический повтор также способен задавать ритм произведения, например, передавать монотонность, плавность движения или его ускорение, нарастание. Часто с

помощью таких повторов задается узнаваемый ритм, восходящий к тому или иному фольклорному жанру. Игра слов, «плетение словес», параллелизм синтаксических конструкций способствуют имитации фольклорного стиля, что вполне соответствует тематике сборника М.И. Цветаевой «Ремесло».

В ходе работы рассмотрены следующие художественные функции приёма повтора: текстообразующая, изобразительно-выразительная (экспрессивная), ритмо-рифмообразующая, смыслообразующая, гармонизирующая.

В результате исследования выявлено, что повтор можно считать конструктивным принципом многих стихотворений в сборнике М.И. Цветаевой «Ремесло». Повторы создают фонетическое единство художественного текста, задают его ритмический рисунок, акцентируют внимание на наиболее значимых мотивах и образах. Кроме того, они активизируют роль читателя, который, замечая эти повторы, восстанавливает связи между словами, открывает в них не замеченные ранее смыслы и ассоциации.